

Русский язык

Научная статья

УДК 81'373.2: 81'37

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-4-43-68

EDN: OFFKOU

Фамильный антроним как эмблема персонажа

Светлана Алексеевна Кошарная

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
fotonija@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4541-3979>

Аннотация. В статье рассматриваются так называемые «говорящие» фамилии, выступающие значимым элементом языкового портрета персонажа, эмблемой его личности. Данные разноструктурные онимы включают в свой состав искусственные образования, созданные авторами по образцу реально существующих фамилий или с отклонениями от такого образца, а также элементы реального национального и инокультурного антронимикона («внеконтекстные» фамильные антронимы), денотат которых генерирует возможность выполнения ономома характеризующей функции.

Художественный антроним существует, с одной стороны, как элемент данного конкретного текста, с другой – находится в онтологической связи с антронимической системой языка, с культурной и литературной традицией, жанровой, стилистической направленностью произведения. Исходя из этого, анализ художественного антронимикона предполагает его лингвокультурологическую интерпретацию с учётом мировоззрения и идейно-художественного замысла автора. Выявление аксиологической и идеологической значимости именований персонажей и роли антронимов в художественном целом позволяет представить данные языковые единицы как вербализации элементов индивидуально-авторской концептосферы, а также как особое языковое изобразительное средство, обладающее коннотативным потенциалом и обеспечивающее программируемую ассоциативную реакцию читателя.

Выбор имён персонажей писателями – изобретение имён героев и привлечение именований из системы реального антронимикона – является в полной мере индивидуальный творческий акт и в то же время препрезентирует национальную литературную традицию создания художественного именословия, включая «говорящие» фамилии, генерирующие в сознании читателя заложенные автором ассоциации и коннотацию фамильного онома как «эмблемы» персонажа и эмблематики текста в целом.

Ключевые слова: художественный антроним; фамильный антроним, «говорящие» фамилии; лингвокультурологическая интерпретация; художественный концепт; языковой портрет персонажа; языковая игра; комический эффект

Для цитирования: Кошарная С. А. Фамильный антроним как эмблема персонажа // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 4 (43). С. 68–77. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-68>. <https://elibrary.ru/OFFKOU>

Russian language

Original article

Surname anthroponym as a character emblem

Svetlana A. Kosharnaya

Doctor of philological sciences, professor at the department of the russian language and russian literature, Belgorod state national research university. 308015, Belgorod, Pobeda str., 85
fotonija@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4541-3979>

Abstract. The article deals with the so-called «speaking» surnames, acting as a significant element of a character's linguistic portrait, a personality emblem. These multistructural onyms include artificial formations modeled by the writer according to real surnames or with some deviations from this pattern, as well as elements of real national and foreign cultural anthroponymicon («out-of-context» surname anthroponyms), whose denotative generates the possibility for the onym to perform its characterizing function.

The literary anthroponym is, on the one hand, an element of a particular text, and, on the other, it is ontologically linked to the anthroponymic system of the language, to the cultural and literary tradition, the genre and stylistic aspects of the work. Based on this, the analysis of the artistic anthroponymicon implies its linguoculturological interpretation with regard to the writer's worldview, their ideological and artistic intentions. Identifying axiological and ideological significance of character names and the role of anthroponyms in the literary work helps to describe these linguistic units as verbalized elements of the authorial individual concept sphere, and as specific figures of speech with connotative potential, providing the reader's predictable response.

The writer's choice of character names – inventing heroes' names or using names from the system of real anthroponymicon – is a completely individual creative act which, at the same time, represents the national literary tradition of creating a name list. The writer uses «speaking» surnames to generate in the reader's mind certain associations and connotation of the surname as an «emblem» of the character and of the text as a whole.

Key words: artistic anthroponym; surname-anthroponym; «speaking» surnames; linguoculturological interpretation; artistic concept; a character's linguistic portrait; language game; comic effect

For citation: Kosharnaya S. A. Surname anthroponym as a character emblem. *Verhnevolzhski philological bulletin.* 2025;(4):68–77. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-4-43-68>. <https://elibrary.ru/OFFKOU>

Введение

Антропонимическая лексика – один из давно и активно разрабатываемых объектов разноспектральных лингвистических исследований (работы Н. В. Васильевой, В. В. Виноградова, И. М. Ганжиной, Н. В. Даниловой, В. А. Дмитриевской и Т. М. Задорожной, И. А. Королёвой, С. И. Кормилова, А. А. Кунарева, В. А. Никонова, В. И. Супруна, А. В. Сусловой, А. В. Суперанская, Н. К. Фролова и др.). Между тем актуальность изучения антропонимов в художественном тексте не снижается, что доказывается трудами как маститых, так и молодых исследований (В. Д. Бондалетов, А. Г. Горнфельд, Ю. А. Карпенко, Ю. И. Левин, Н. В. Васенева, А. С. Врунова, Е. Ф. Исаева и др.). Более того, сегодня, с возникновением новых, интегративных подходов, художественная антропонимика обретает статус одного из ключевых объектов лингвокультурологического и концептуального анализа.

«Имя собственное в произведении, помимо уже имеющихся значений и ассоциаций, имеет некий подтекст – дополнительный эстетически нагруженный автором смысл (авторский концепт). Особый интерес представляет изучение авторского замысла, закодированного писателями в художественных антропонимах» [Васенева, 2023, с. 448].

«The anthroponymic stratum of the literary text is an important semantic component of the semantic structure of the work as a whole. <...> Literary anthroponyms are often a kind of key to the interpreta-

tion of literary texts. They act as the most important text-forming means, being one of the links of the formal coherence of the artistic space» («Антропонимический пласт художественного текста является важным компонентом смысловой структуры произведения в целом. <...> Литературные антропонимы часто являются своеобразным ключом к интерпретации художественных текстов. Они выступают важнейшим текстообразующим средством, являясь одним из звеньев формальной связности художественного пространства») [Zinnatullina, 2022, p. 214].

Неслучайно излюбленным объектом исследования в лингвистике оказываются так называемые «говорящие» фамилии, которые представляют собой значимую составляющую языкового портрета литературного героя, «эмблемируя» личность персонажа. В этом ключе художественный антропоним обретает признаки символа: слово-символ – это своеобразная формула, кодирующая взаимоотношения двух разных по своему характеру и противопоставленных по ряду признаков значений – лексического значения слова и значение символа. Первое опирается на определенные лексические связи, второе – подразумевается, для его раскрытия требуется своеобразная «разгадка» на основе контекста [Кошарная, 2002, с. 25] или языковой пресуппозиции. Именно символическая нагруженность генерирует прецедентный потенциал литературного антропонима (*Митрофанушка, Обломов, Плюшкин* и др.).

Такие «эталонные имена» включаются в «текст культуры», поскольку «эталон обладает следую-

шими признаками: является элементом наивного сознания; обладает прототипическим, парадигматичным, то есть не нуждающимся в контексте значением; генерирует вокруг себя лингвокультурную легенду, ассоциативно связаны с воспроизведенными лингвокультурными сюжетами; поддерживается семиотическими средствами других языков культуры» [Токарев, 2023, с. 51]. При этом под эталоном понимается «стереотипизированное качество или свойство человека» [Токарев, 2022, с. 52], в данном случае – литературного персонажа.

Целью настоящей работы является определение конституциональных признаков литературных антронимов, функционирующих в художественном тексте в качестве «говорящих» фамилий.

Актуальность исследования «говорящих» фамильных антронимов определяется следующими отправными позициями. Указанные антронимы рассматриваются нами в лингвокультурологическом аспекте, и в этой связи наше обращение к литературной традиции «говорящих» онимов обусловлено важностью установления концептуальных и конституциональных особенностей «говорящих» фамильных имён персонажей с учётом их генезиса, ассоциативных и прецедентных потенций в контексте постижения национальной языковой художественной картины мира.

В использовании «говорящих» фамильных онимов обнаруживается авторский замысел, презентирующий личностные установки писателей. Исходя из этого, в качестве иллюстративного материала нами привлекаются фамильные онимы, представляющие русскую литературную сатирическую традицию и функционирующие в произведениях Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, И. Ильфа и Е. Петрова, М. А. Булгакова и – эпизодически – других авторов, для которых несомненна значимость имени собственного как антронимического «маркера», эмблемы персонажа.

Методы и подходы

Наше внимание сосредоточено на фамильной антронимической лексике как эмблематике личности персонажей художественного произведения, что детерминирует использование в качестве основных следующие методы: *контекстуальный анализ*, *метод лингвокультурологической интерпретации*: данный метод зиждется на интегративном подходе к слову как вербальному выражению концепта, что уже стало научной традицией и находит отражение в новейших отечественных и зарубежных исследованиях [Голубева,

Сухарева, 2022; Абдыкадырова, Назарова, 2022; Abdelhamid, Alefirenko, 2023, Нургазина, Тілеш и др., 2023], с обязательным привлечением фоновых сведений (исторических, культурных), составляющих культурный контекст. Дополнительно используются компонентный анализ и – в ряде случаев (для экспликации этимона антронима) – *этимологический анализ*.

Художественный антроним существует, с одной стороны, как элемент данного конкретного текста, с другой – находится в онтологической связи с антронимической системой языка, с языковой и культурной традицией, с исторической эпохой, общелитературной, жанровой, стилистической направленностью произведения, а потому представляет несомненный интерес анализ языка произведений, отражающих дух эпохи и в то же время несущих в себе комическое начало.

При этом в отношении художественного антронима мы можем говорить о *макроконтексте* совокупного художественного текста и *микроконтексте*, который трактуется нами как отрезок художественного пространства, в котором реализуется оним: «онимы вплетаются в текстовую ткань как обязательный и организующий компонент, они взаимодействуют с другими текстовыми элементами, демонстрируют свои изобразительные возможности в пределах узкого и широкого контекста» [Супрун, 2000, с. 118].

В силу этого, на наш взгляд, можно говорить об иерархии контекстов:

- *внешний макроконтекст* – контекст культурно-исторической эпохи, детерминирующий последующие контексты;
- *внутренний макроконтекст* – контекст художественного текста в целом;
- *микроконтекст* – отрезок художественного пространства, в котором реализуется оним.

Результаты и обсуждение

Можно утверждать, что имя собственное, антроним – это особая лингвокультурная и лингвокогнитивная единица, это – несомненно – особый «текст культуры», свёрнутый в слово.

В своих более ранних работах мы неоднократно высказывали мысль о том, что слово является собой «минимальный текст культуры»: «слово может быть рассмотрено как минимальный культурный текст, прочесть который и есть задача лингвокультуролога» [Кошарная, 2002, с. 18]. Как справедливо полагал ещё в конце XIX в. А. А. Потебня, слово создается художественным творче-

ством человека, так же, как пословицы, поговорки, песни. В слове заложено всё то, что можно выразить в высказывании, следовательно, в процессе лингвокультурологического анализа слово может и должно рассматриваться как своеобразный микротекст, повествующий о том или ином культурном факте. Об изоморфизме структуры значения слова и высказывания, о том, что в слове вычленяется идентифицирующее (или классифицирующее) основание (тема) и ассертивная часть (рема) писал Ю. С. Степанов [Степанов, 1975]. Между тем эта ассертивная часть не является «семантической долей» денотата, а значит, не относится с понятием. Это, скорее, «имплицитное высказывание» субъекта о ценности денотата, так называемая «оценочная модальность». Данное положение служит основанием трансформации компонентного анализа слова в анализ вербализованного концепта. И в этом ключе имя собственное в той же степени «концептуально», как и нарицательное. В особенности, если речь идет о концепте, который объективируется художественным ономом.

Художественный антропоним – это всегда носитель определённой культурной коннотации, которые могут быть осмыслены интегративно – как культурная семантика языковых знаков [Ковшова, Гудков, 2024], то есть как художественный антропоконцепт, вбирающий культурный фон (культурная коннотация) и детерминированную узусом или контекстом оценочность. В художественном антропоконцепте сопрягается узуальное и индивидуальное, поскольку такой концепт «имеет содержательную, оценочную, эмоциональную составляющую, которая выражает отношение автора» [Абыкадырова, Назарова, 2002, с. 113]. В силу этого можно полагать, что всякое имя персонажа обладает коннотацией, то есть является коннотативом.

Заметим, что нередко это справедливо и в отношении реальных носителей имён – известных исторических деятелей и т.п.: Сусанин, Кутузов, Суворов и др. Данный факт обусловлен тем, что у антропонима, помимо ближайших, формальных значений, существуют «значения дальнейшие» (энциклопедические), которые представляют собой весь комплекс знаний и информации о конкретном члене общества, носящем данное имя.

Как отмечает А. В. Рудакова, такие номинации содержат особые «семы, которые указывают на сложившиеся в языковом сознании носителей языка символические связи антропонима (типа

ЭЙНШТЕЙН – символ гения в науке») [Рудакова, 2022, с. 160].

Следовательно, антропоним в художественном произведении вербализует особую ментальную единицу – художественный антропоконцепт, который включает комплекс представлений, объединяющих индивидуально-авторскую и национальную концептосферы. Такие концепты мы полагаем ключевыми для индивидуально-авторской картины мира: «концепт, который выражает глубинный смысл текста, воплощающий авторские идеи, намерения, можно считать ключевым» [Нургазина и др., 2023, с. 24].

Таким образом, можно осмыслить художественный антропоконцепт как особый элемент индивидуально-авторской концептосферы, реализующийся в микро- и макроконтекстах, вбирающий авторские интенции, мыслимые в отношении героя произведения, и эксплицируемый именем собственным как «эмблематикой» персонажа.

Культурная информация, заключенная в художественном антропоконцепте, генерирует в сознании искущенного читателя, вступившего в коммуникацию в дискурсивной системе «автор – читатель», комплекс ассоциаций и программируемых автором интерпретаций, так как имена персонажей являются репрезентацией идеологических, социальных, этнокультурных установок автора, в том числе установки на языковую игру и достижение комического эффекта, реализации комического начала в целом, будь то юмор, сатира или ирония. Данную установку можно считать перлокутивной задачей введения в сатирический текст художественного, авторского, антропонима.

«Irony gives additional meanings to the very structure of the text. To understand, comprehend and perceive a work of art, you need a multidimensional interpretation. <...> Semantic, contextual, pragmatic aspects of the functioning of anthroponyms in a literary text, determined the functions of irony and the peculiarities of their implementation in the text under» («Ирония придает дополнительные смыслы самой структуре текста. Чтобы понять, осмыслить и воспринять произведение искусства, нужна многоплановая интерпретация. <...> Семантические, контекстуальные, прагматические аспекты функционирования антропонимов в художественном тексте, определены функции иронии и особенности их реализации в рассматриваемом тексте») [Borisova, Kuznetsova, 2021, с. 223].

В целом, лингвокультурная, семантическая, стилистическая специфика художественных антронимов обуславливается совокупно – целевой установкой автора, его идеально-эстетической позицией, коммуникативно-функциональным назначением и жанровыми признаками текста.

При этом возможно вычленить в ряду художественных антронимов «внеконтекстные» номинации, почерпнутые из реальной антронимии (из внешнего – культурно-исторического – макроконтекста), и искусственно созданные – собственно авторские, детерминируемые макроконтекстом художественного целого. Авторская установка обуславливает выбор фамилии персонажа из реально существующих в языковой антронимической системе именований («внеконтекстных» по своему генезису онимов) или создание так называемых «искусственных» фамильных антронимов.

При этом концептуальное содержание художественного фамильного антронима должно «считываться» воспринимающим субъектом, исходя из чего создаются так называемые «говорящие» фамилии, ассоциативный потенциал которых чаще всего базируется на этимологическом значении: *Простаков*, *Стародум*, *Правдин* и др. Иными словами, здесь реализуется ещё один значимый принцип – полисемический, основывающийся на многообразии потенциальных ассоциаций, которые литературный персонаж способен вызвать в историко-культурном поле.

Заметим, что к «говорящим» именам собственным чаще всего относят «несуществующие [выделено нами – С.К.] имена, несущие определенную смысловую нагрузку, содержащие оценочно-экспрессивные факторы и характеризующие персонажей в художественных текстах» [Врунова, 2025, с. 45]. В нашей работе мы попытаемся показать, что это не всегда так.

Традиция «говорящих» фамилий берёт начало в комедиях В. И. Лукина, Д. И. Фонвизина, А. С. Грибоедова и – в большей степени – в масштабном творчестве Н. В. Гоголя (согласно меткой фразе, приписываемой Ф. М. Достоевскому, «все мы вышли из гоголевской шинели»). Далее эта антронимическая языковая игра подхватывается сатирической литературой XIX и XX вв.: чеховские герои генерал *Хохотов*, студент духовной академии Иван *Великопольский*, учитель чистописания *Ахинеев*, пьяница *Хрюкин*, мелкий чиновник *Червяков* и многие другие [Чехов, 1979], и в особенности – первой половины

XX в. Обилие подобных антронимов обнаруживается, например, в сатирической прозе И. Ильфа и Е. Петрова: *Изнура́нков*, *Хворобьев*, *Поцелуев-Плотский*, *Шершеляфамов*, *Побиухин*, *Гигиенишивили* и др. Эти антронимы искусственного образования, созданные авторами по образцу реальных фамилий, отличаются высокой степенью оценочности, проявляющейся внутри и вне текста и основанной на этимологическом значении мотивирующих основ номинаций. Они характеризуются прозрачной семантикой, транслирующей культурную коннотацию и репрезентирующей личные качества персонажей, например: *Изнура́нков* – человек, который «подобно распёлённому малютке <...> находился в состоянии вечного беспокойства», изнуряя окружающих «излишком своей энергии» [Ильф, Петров, 1992, с. 151–152]. Характеристика персонажа согласуется со словообразовательной структурой онима, включающей суффикс -‘онк-/-‘онок- со значением лица, не достигшего зрелого возраста; ребенка.

Примечательно, что сатирики 30-х гг. XX в. аллюзивно отсылают нас к Н. В. Гоголю как основному зачинателю традиции «говорящих» имён. В частности, в романе «12 стульев» описывается постановка гоголевской пьесы «Женитьба», а на афише спектакля указаны следующие имена: «...текст – Н. В. Гоголя, стихи – М. Шершеляфамова, лимонтаж – И. Антиохийского, музыкальное сопровождение – Х. Иванова. Автор спектакля – Ник. Сестрин. Вещественное оформление – Симбивич-Синдиевич. Свет – Платон Плацук. Звуковое оформление – Галкина, Палкина, Малкина, Чалкина и Залкинда» [Ильф, Петров, 1992, с. 198]. В этом ряду присутствуют псевдонимы представителей «нового искусства», в частности: *Шершеляфамов*, *Антиохийский*. В комментариях к роману читаем: «Авторы романа создали обобщенную пародию на многочисленные авангардистские постановки, характерные для 1920-х гг. <...> В частности, на исходе 1926 года он <Мейерхольд> поставил комедию Н. В. Гоголя „Ревизор”, что вызвало ожесточенную полемику в тогдашней периодике: противники инкриминировали Мейерхольду злонамеренное искажение классики, едва ли не глумление над гоголевским текстом <...>. Сочетание „стихи – М. Шершеляфамова” напоминает и о французской поговорке „cherchez la femme” (фр. ищите женщину), и о скandalно известном поэте-имажинисте В. Г. Шершеневиче, дружившем с Мейерхольдом, „литмонтаж – И. Антиохийского” – о городе Ан-

тиохии, привычно ассоциируемом с событиями Священной истории» [Одесский, Фельдман, 1998, с. 206].

Ту же связь с гоголевским творческим подходом к художественному антропонимику наблюдаем в творчестве М. А. Булгакова, который сам подчёркивал значимость гоголевского художественного наследия для его собственной творческой мастерской, о чём свидетельствуют и полумифологические сообщения о призраке Гоголя в эпистолярии писателя, и получившие широкую известность пророческие слова М. А. Булгакова: «Учитель, укрой меня своей гранитной шинелью» (впоследствии на могиле М. А. Булгакова стараниями его вдовы действительно был установлен надгробный камень с могилы Н. В. Гоголя, убранный «за ненадобность» после возвращения над гоголевской могилой мраморного саркофага).

«Говорящими» фамилиями в творчестве М. А. Булгакова является целый ряд антропонимов: *Преображенский*, (Полиграф Полиграфович) *Шариков*, немецкая «по внешнему облику» фамилия помощника профессора Преображенского *Борменталь*, (Иван) *Бездомный*, (Алоизий) *Могарыч* и др.

Попутно, вслед за Ю. В. Кондаковой, исследовавшей антропонимику М. А. Булгакова в сопряжении с гоголевской, заметим, что «принципы сочетания имени и фамилии, которыми характеризуются ономастические гибриды Гоголя (<...> *Балтазар Жевакин*, *Христофор Бурдюков* и др.) и Булгакова (*Адельфина Бузяк*, *Алоизий Могарыч* <...> и др.) практически одинаковы, но семантика гоголевских гибридов является более „мерцающей”» [Кондакова, 2001, с. 9].

Однако не всегда этимон искусственного – художественного – фамильного антропонима оказывается очевидным. Эта традиция «фамилии-загадки», как нам видится, тоже берёт начало от Н. В. Гоголя. В уже упомянутом нами диссертационном исследовании Ю. В. Кондаковой подобные гоголевские антропонимы названы «неявно говорящими». Так, ставшее прецедентным имя *Плюшкин* (генезис данного прецедентного имени подробно рассматривается в современных работах [Титова, 2021 и др.]), источником которого является гоголевская поэма «Мёртвые души», как будто «прозрачно» обнаруживает этимологический корень *плюши* – ‘шерстяная, шёлковая или хлопчатобумажная ткань с ворсом’ [Ожегов, 1991, с. 524]. Однако

мотивирующим, непосредственно связанным с «содержанием» образа, здесь выступает существительное *плюшка* (русские фамилии с суффиксом *-ин* образуются от имён существительных на *-а*). И здесь возникает вопрос по поводу семантики производящего имени.

Общеноародное слово *плюшка* – ‘маленькая сдобная булочка’ [Ожегов, 1991, с. 524] – этимологически не связано с именем существительным *плюши* в приведённом выше значении. Этимологи склонны полагать, что наименование выпечки *плюшка* является либо древнерусским суффиксальным производным от существительного женского рода *плюща*, образованного от глагола *ПЛЮЩИТИ* – ‘раскатывать, делать плоским’ с последующим изменением *-ицък-* > *-ицк-*, либо слово *плюшка* ‘сдобная булочка’ является результатом развития значения слова *плюшка* – ‘птица трясогузка’, которое сохраняется в ряде диалектов [Фасмер, Т. 3, 2003, с. 290] (ср. аналогичное название выпечки *жаворонки*).

В то же время значение слова ‘сдобная булочка’ отсутствует в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (1863), хронологически соотносимом с текстом поэмы Н. В. Гоголя (1842). В то же время в «Словаре русских народных говоров» имеется значение, известное и ныне в русских селениях: «2. Плюшка, ж. Женская верхняя одежда из плюша. <...> Курск., Краснодар., Казаки-некрасовцы, Амур., Хабар.» [СРНГ, 1992, В. 27, с. 173]. Заслуживает внимания помета «казаки-некрасовцы» – речь о потомках донских и хопёрских казаков, ушедших с Дона и поселившихся (частью) на Кубани и по южнорусскому пограничью. Кроме того, составителями словаря отмечен Курский ареал. Добавим, что значение ‘женская верхняя одежда из плюша’ фиксируется не только в курских диалектах, но и в говорах Белгородской области, что – с учётом упомянутых казаков-некрасовцев – позволяет расширить ареал распространения слова на всю Южную Россию и полагать, что именно это регионально маркированное слово могло быть использовано Н. В. Гоголем при создании фамилии персонажа. Безусловно, это предположение остаётся гипотезой, но обратим внимание на указание «женская» одежда, что согласуется с авторским описанием персонажа: «Долго он <Чичиков> не мог распознать, какого пола была фигура: баба или мужик. Платье на ней было совершенно неопределенное, похожее

очень на женский капот, на голове колпак, какой носят деревенские дворовые бабы, только один голос показался ему несколько сиплым для женщины» [Гоголь, 1982, с. 66]. Это описание похожего на деревенскую бабу Плюшкина коррелирует с предполагаемым этимоном его фамилии.

В отношении генезиса «говорящих» фамилий следует заметить, что даже реально существующие в языке фамильные антропонимы, выступая в сатирических текстах в качестве «эмблемы» персонажа, обретают статус художественного онима, «прирастая» новыми смыслами (здесь, вслед за В. В. Колесовым, можно говорить о «сгущении смысла»): «... „говорящие“ имена сгущают восприятие, причём не искажают жизненную правду, поддерживая иллюзию действительности» [Кондакова, 2009, с. 296]. В результате к этимологическому значению фамильного имени добавляется содержательная характеристика художественного образа: фамилия поэта *Рюхина* в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» [Булгаков, 2006] этимологически соотносится со словом *рюха* – ‘цилиндрическая чурка для игры в городки’, что эксплицирует примитивность персонажа, претендующего на статус поэта.

Возможно использование в качестве литературных «говорящих» антропонимов известных исторических фамильных имён. Так, в булгаковском романе председатель правления МАССОЛИТА имеет фамилию *Берлиоз*, отсылающую читателя к фамилии французского композитора Гектора *Берлиоза*, написавшего на сюжет поэмы Гёте драматическую ораторию «Осуждение Фауста», содержание которой перекликается с некоторыми эпизодами романа. Комизм ситуации подчёркивается фразой поэта *Рюхина*: «**Композитор – это однофамилец Миии Берлиоза!**» [Булгаков, 2006, с. 74], где композитор *Берлиоз* оказывается «вторичен» по отношению к председателю правления: «*Пришлоось применить третью редакцию, а та оказалась еще хуже первых двух: „...Берлиозом, который попал под трамвай...“* – а здесь еще прицепился **этот никому не известный композитор-однофамилец** [выделено нами – С.К.], и пришлоось вписать: „...не композитором...“» [Булгаков, 2006, с. 126].

Ещё одной историко-культурной аллюзией является в булгаковском романе фамилия *Римский*. Несмотря на вариативность этимологизаций данной фамилии, она не является уникальной в русском фамильном именослове. Однако в контексте

романа вероятнее всего предположить ассоциативную связь с фамилией композитора *Римского-Корсакова*: эту фамилию носит финансовый директор Варьете *Римский* (ср. с композитором *Берлиозом*). Примечательно, что первоначальная фамилия русского композитора – *Корсаков*. Однако «к концу XVII века дворянский род Корсаковых <...> стал настолько многочисленным, что представители наиболее крупных его ветвей всерьёз задумались о том, как выделиться среди однофамильцев» [Федосюк, 2011, с. 156]. Общий предок Корсаковых был подданным Римской империи, поэтому ряд представителей рода по указу царя в XVII в. получили право именоваться *Римскими-Корсаковыми*. Однако финанс-директор Варьете в булгаковском романе получает только первую часть фамилии композитора, «искусственно» приобретённую им, что, безусловно, знаково для осмыслиения сущности персонажа: его «поле деятельности» – финансы, а не музыка.

Таким образом, и «внеконтекстные» по своему происхождению фамильные антропонимы, генетически связанные с внешним макроконтекстом (в том числе – с национальной и инонациональной антропонимической системой), могут впоследствии выступать в качестве «говорящих» именований, транслируя контекстуальную и этнокультурную смысловую нагруженность.

Заключение

Можно заключить, что «лексическая мотивация может выступать в роли лингвопрагматического маркера авторской установки на приздание образу героякомической окраски за счёт приёма парадоксальной (нетиповой) мотивации» [Шебалов, 2004, с. 123]. В силу заданной коннотации и ассоциативных потенций авторский фамильный антропоним оказывается важным средством создания языковой игры и реализации комического начала, что активно используется в текстах сатирического характера. При этом культурной коннотацией и оценочной семантикой обладают как искусственно созданные – собственно авторские, детерминируемые макроконтекстом художественного целого, онимы, так и «внеконтекстные» номинации, почерпнутые из реальной антропонимии (из внешнего – культурно-исторического – макроконтекста).

Игровая направленность «говорящих» фамилий детерминирована их конституциональными признаками: такие онимы представляют собой разновидность коннотативных языковых единиц, в большинстве случаев имеющих «прозрачную»

этимологию и репрезентирующих жанровую и стилистическую направленность текста. Несомненна аксиологическая и идеологическая значимость «говорящих» фамильных антропонимов, обуславливающая их дискурсообразующую роль в художественном целом. Лингвокультурологический подход к данным номинациям позволяет представить художественные фамильные антропонимы как вербализации элементов индивидуально-авторской концептосферы, имеющих ключевой характер. Репрезентанты художественных антропоконцептов как персонажная эмблематика является собой индивидуально и этнокультурно маркированное языковое изобразительное средство, не только обеспечивающее реализацию авторского замысла и перлокативную установку на достижение комического эффекта, но и транслирующее особенности национальной культуры и литературной традиции.

Библиографический список

1. Абдыкадырова С. Р., Назарова М. К. Корреляция понятий концепт, художественный концепт и межкультурный концепт // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. Языкоzнание и литературоведение. 2022. С. 110–114.
2. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита : роман. Москва : «Мартин», 2006. 448 с.
3. Васенева Н. В. Художественный антропоним как авторский концепт: на примере произведения М. Твена «Принц и нищий» // Современное педагогическое образование. Языкоzнание и литературоведение. 2023. № 12. С. 438–442.
4. Врунова А. С. Говорящие имена собственные: классификация и приёмы перевода // Молодой учёный. 2025. №27 (578). С. 45–47.
5. Гоголь Н. В. Мертвые души : Поэма / вступ. ст. С. И. Машинского. Москва : Просвещение, 1982. 254 с.
6. Голубева К. Г., Сухарева Т. В. Художественный концепт как инструмент интерпретации текста в образовательной парадигме филологов и лингвистов // Научный журнал «Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова». 2022. Вып. 59. С. 99–144.
7. Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев. Краснодар : Издательство «Советская Кубань», 1992. 285 с.
8. Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. Культурная семантика языковых знаков : теория и эксперимент // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та. 2024. № 4. С. 181–189.
9. Кондакова Ю. В. Гоголь и Булгаков поэтика и онтология имени. Екатеринбург 2001. 27 с.
10. Кондакова Ю. В. Ономастический код в художественном мире Н. В. Гоголя // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2009. № 2 (63). С. 292–297.
11. Кошарная С. А. Миф и язык : Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира : монография. Белгород : Изд-во Белгор. гос. ун-та 2002. 288 с.
12. Нургазина А. Б., Тілеш Қ. Е., Аюпова Г. К. Художественный концепт «форсайты» в пространстве текста и способы объективации его смысла // Вестник Евразийского гуманитарного института. 2023. № 3. С. 20–37.
13. Одесский М. П., Фельдман Д. М. Комментарии // И. Ильф, Е. Петров Двенадцать стульев : Первый полн. вариант романа с предисл. и comment. М. Одесского, Д. Фельдмана. Москва : Вагриус, 1998. 541 с.
14. Ожегов С. И. Словарь русского языка : 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва : «Русский язык», 1991. 917 с.
15. Рудакова А. В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической семасиологии и лексикографии : в 2-х т. Воронеж, 2022. 556 с.
16. СРНГ – Словарь русских народных говоров // Рос. акад. наук. Ин-т лингвист. исслед.; Вып. 27 / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. Санкт-Петербург : Наука, 1992. 401 с.
17. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / АН СССР. Ин-т языкоzнания. Москва : Наука, 1975. 311 с.
18. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград : Перемена, 2000. 172 с.
19. Титова А. С. Периферийная зона восприятия прецедентного имени: Плюшкин как полисемантическая единица коммуникативного сознания // Ученые записки Казанского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2021. Т. 163, кн. 1. С. 162–169.
20. Токарев Г. В. Словарь лингвокультурологических терминов. Тула : Тульское производственное полиграфическое объединение, 2022. 57 с.
21. Токарев Г. В. Прецедентные имена в роли эталонов региональной культуры // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2023. № 1 (45). С. 46–52.
22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : Т. 3. / пер. с нем и доп. члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. Москва : Астрель : Аст, 2003. 832 с.
23. Федосюк Ю. А. Русские фамилии : популярный этимологический словарь. Москва : Флинта : Наука, 2011. 237 с.
24. Чехов А. П. Рассказы и повести / вступ. ст. М. П. Громова. Москва : Правда, 1979. 639 с.
25. Шебалов Р. Ю. Ономастическая игра в художественном тексте : На материале ранних рассказов А. П. Чехова. Екатеринбург, 2004. 219 с.

26. Abdelhamid S., Alefirenko N. F. Speech acts and Russian text-generating discourse // Russian Language Studies. 2023. V. 21. № 1. P. 7–17.

27. Borisova T. G., Kuznetsova T. B. Anthroponyms using for creating an ironic beginning («Napoleon carts» by D. Rubina) // Proceedings of International Scientific Congress «Knowledge, Man and Civilization» (22–25 October, 2020) : Complex Scientific Research Institute named after H.I. Ibragimov of the Russian Academy of Sciences, Russia. 2021. P. 223–229.

28. Zinnatullina G. Kh. Anthroponyms and the fiction text. Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke // Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being. 2022. № 11. P. 211–216.

Reference list

1. Abdykadyrova S. R., Nazarova M. K. Korreljacija ponatij koncept, hudozhestvennyj koncept i mezhkul'turnyj koncept = Correlation between the concept, artistic concept and intercultural concept // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. Jazykoznanie i literaturovedenie. 2022. S. 110–114.
2. Bulgakov M. A. Master i Margarita = The Master and Margarita : roman. Moskva : «Martin», 2006. 448 s.
3. Vaseneva N. V. Hudozhestvennyj antroponim kak avtorskij koncept: na primere proizvedenija M. Tvena «Princ i nishhij» = Literary anthroponym as an authorial concept: the example of M. Twain's work «The Prince and the Pauper» // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. Jazykoznanie i literaturovedenie. 2023. № 12. S. 438–442.
4. Vrunova A. S. Govorjashchie imena sobstvennye: klassifikacija i prijomy perevoda = Speaking proper names: classification and translation techniques // Mlodoj uchjonyj. 2025. №27 (578). S. 45–47.
5. Gogol' N. V. Mertye dushi = The Dead Souls : Pojema / vstup. st. S. I. Mashinskogo. Moskva : Prosveshenie, 1982. 254 s.
6. Golubeva K. G., Suhareva T. V. Hudozhestvennyj koncept kak instrument interpretacii teksta v obrazovatel'noj paradigme filologov i lingvistov = Literary concept as a tool of text interpretation in the educational paradigm of philologists and linguists // Nauchnyj zhurnal «Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobroljubova». 2022. Vyp. 59. S. 99–144.
7. Il'f I. A., Petrov E. P. Dvenadcat' stul'ev. = Twelve Chairs. Krasnodar : Izdatel'stvo «Sovetskaja Kuban», 1992. 285 s.
8. Kovshova M. L., Gudkov D. B. Kul'turnaja semantika jazykovyh znakov : teoriya i eksperiment = Cultural semantics of linguistic signs : theory and experiment // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Nizhniy Novgorod : Izd-vo Nizhegorod. un-ta. 2024. № 4. S. 181–189.
9. Kondakova Ju. V. Gogol' i Bulgakov pojetika i ontologija imeni = Gogol and Bulgakov poetics and ontology of name. Ekaterinburg 2001. 27 s.
10. Kondakova Ju. V. Onomasticheskij kod v hudozhestvennom mire N. V. Gogolja = Onomastic code in N. V. Gogol's fiction world // Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki. 2009. № 2 (63). S. 292–297.
11. Kosharnaja S. A. Mif i jazyk : Opyt lingvokul'turologicheskoy rekonstrukcii russkoj mifologicheskoy kartiny mira = Myth and language : Experience of linguoculturological reconstruction of the Russian mythological worldview : monografija. Belgorod : Izd-vo Belgor. gos. un-ta 2002. 288 s.
12. Nurgazina A. B., Tilesh K. E., Ajupova G. K. Hudozhestvennyj koncept «forsajty» v prostranstve teksta i sposoby ob#ektivacii ego smysla = The «forsytes» literary concept in the text's space and ways of objectivizing its meaning // Vestnik Evrazijskogo gumanitarnogo instituta. 2023. № 3. S. 20–37.
13. Odesskij M. P., Fel'dman D. M. Kommentarii = Commentary // I. Il'f, E. Petrov Dvenadcat' stul'ev : Pervyj poln. variant romana s predisl. i komment. M. Odesskogo, D. Fel'dmana. Moskva : Vagrius, 1998. 541 s.
14. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka : 70 000 slov = Dictionary of the Russian Language: 70 000 words / pod red. N. Ju. Shvedovo. Moskva : «Russkij jazyk», 1991. 917 s.
15. Rudakova A. V. Teoreticheskie i prikladnye problemy psiholingvisticheskoy semasiologii i leksikografii = Theoretical and applied problems of psycholinguistic semasiology and lexicography : v 2-h t. Voronezh, 2022. 556 s.
16. SRNG – Slovar' russkih narodnyh govorov = Dictionary of Russian dialects // Ros. akad. nauk. In-t lingvist. issled.; Vyp. 27 / gl. red. F. P. Sorokoletov. Sankt-Peterburg : Nauka, 1992. 401 s.
17. Stepanov Ju. S. Metody i principy sovremennoj lingvistiki = Methods and principles of contemporary linguistics / AN SSSR. In-t jazykoznanija. Moskva : Nauka, 1975. 311 s.
18. Suprun V. I. Onomasticheskoe pole russkogo jazyka i ego hudozhestvenno-jesteticheskij potencial = Onomastic field of the Russian language and its literary and aesthetic potential. Volgograd : Peremen, 2000. 172 s.
19. Titova A. S. Periferijnaja zona vosprijatija precedentnogo imeni: Pljushkin kak polisemantichnaja edinica kommunikativnogo soznanija = Peripheral zone of a precedent name perception: Plushkin as a polysemantic unit of communicative mind // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija : Gumanitarnye nauki. 2021. T. 163, kn. 1. S. 162–169.
20. Tokarev G. V. Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov = Dictionary of linguoculturological terms. Tula : Tul'skoe proizvodstvennoe poligraficheskoe ob#edinenie, 2022. 57 s.
21. Tokarev G. V. Precedentnye imena v roli jetalonov regional'noj kul'tury = Precedent names as regional culture standards // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo. 2023. № 1 (45). S. 46–52.

22. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka = Etymological dictionary of the Russian language : T. 3. / per. s nem i dop. chlena-korrespondenta AN SSSR O. N. Trubacheva; pod red. i s predisl. prof. B. A. Larina. Moskva : Astrel' : Ast, 2003. 832 s.
23. Fedosjuk Ju. A. Russkie familii : populjarnyj jetimologicheskij slovar' = Russian surnames: popular etymological dictionary. Moskva : Flinta : Nauka, 2011. 237 s.
24. Chehov A. P. Rasskazy i povesti = Stories and novelettes / vstup. st. M. P. Gromova. Moskva : Pravda, 1979. 639 s.
25. Shebalov R. Ju. Onomasticheskaja igra v hudozhestvennom tekste : Na materiale rannih rasskazov A. P. Chehova = Onomastic game in fiction text : on A. P. Chekhov's early stories. Ekaterinburg, 2004. 219 s.
26. Abdelhamid S., Alefirenko N. F. Speech acts and Russian text-generating discourse // Russian Language Studies. 2023. V. 21. № 1. P. 7–17.
27. Borisova T. G., Kuznetsova T. B. Anthroponyms using for creating an ironic beginning («Napoleon carts» by D. Rubina) // Proceedings of International Scientific Congress «Knowledge, Man and Civilization» (22–25 October, 2020) : Complex Scientific Research Institute named after H.I. Ibragimov of the Russian Academy of Sciences, Russia. 2021. P. 223–229.
28. Zinnatullina G. Kh. Anthroponyms and the fiction text. Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke // Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being. 2022. № 11. P. 211–216.

Статья поступила в редакцию 26.09.2025; одобрена после рецензирования 17.10.2025; принята к публикации 06.11.2025.

The article was submitted on 26.09.2025; approved after reviewing 17.10.2025; accepted for publication on 06.11.2025